

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1990 г.

ЖУРАВЛЕВ В. К.

«КНИГА ЖИЗНИ» Н. С. ТРУБЕЦКОГО

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

На здании Венского университета установлена мемориальная доска с барельефом Н. С. Трубецкого и надписью на немецком языке:

FORST
N. S. TRUBETZKOY
SLAVIST
GRUNDER DER PHONOLOGIE
1890-1938

Действительно, его фундаментальный труд «Основы фонологии» [1], написанный полвека тому назад, издавался шесть раз на немецком и шесть раз на французском языках, по одному разу на английском, японском, итальянском, испанском, польском и русском языках. Неугасимый интерес к этой книге объясняется тем, что здесь изложено целостное учение о фонологических противопоставлениях и условиях снятия (нейтрализации) этих противопоставлений. Столь стройного учения о системообразующих факторах не удавалось построить ни одному лингвисту ни до, ни после Николая Сергеевича Трубецкого. Бесспорно общелингвистическое, методологическое значение фонологии. «Фонология как теория звуковых противопоставлений и морфология как теория формальных противопоставлений», — писал Н. С. Трубецкой, — представляет собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать противопоставление лингвистических значимостей. Причем все отрасли этой науки должны применять одинаковые методы исследования» [2]. И может быть, именно с легкой руки создателей фонологии она, фонология, стала своеобразным демиургом, создавшим лингвистику XX в. «по образу и подобию своему». Каким бы разделом языкознания мы ни занимались, всюду мы встретимся с фундаментальными понятиями, зародившимися в недрах фонологии: оппозиция, корреляция, нейтрализация и т. п. Наблюдается удивительная тенденция создания новых лингвистических терминов по образу фонологических: фон — аллофон — фонема, морф — алломорф — морфема, граф — аллограф — графема и прочие «-эмы»: графема, лексема, рема, сема, просодема, фраза — фразема и даже тип — типема. Завидная судьба истинно гениального ученого и его детища.

И все же не фонология была основным полем приложения титанических сил Трубецкого. Фонологией он занимался лишь последнее десятилетие своей жизни. Уступая настоятельным убеждениям Р. О. Якобсона,

Трубецкой не без сожаления вынужден был отложить свои прежние исследования, над которыми работал с увлечением много лет... Его первая работа по фонологии появилась лишь в 1929 г. «Основы фонологии», первые страницы корректуры которых Николай Сергеевич держал уже на смертном одре, не были для него тем, что называют «книгой жизни».

За свою недолгую жизнь, до краев наполненную неустанными поисками истины, великими трудами и свершениями, Трубецкой опубликовал 171 работу. Пожалуй, трудно найти другого ученого, равного ему по широте охвата проблематики, глубине проникновения в самую суть изучаемых явлений, поразительной эрудиции, разнообразию и богатству привлекаемого эмпирического материала. Его неустанные «... поиски непроторенных, неизведанных путей лингвистики, филологии, истории культуры, этнологии и народоведения в самом широком смысле этого слова привели к открытию нескольких новых научных направлений и дисциплин, среди которых помимо фонологии следует назвать морфофонологию, историю литературных языков, типологию языковых структур и конформативную лингвистику, учение о языковых союзах и контактах» [3, с. 492]. Яркий свет, идущий от создателя фонологии, как бы отбрасывал в тень все другое, что делал и сделал Трубецкой.

За последнее время интерес к Трубецкому резко возрос. И это, бесспорно, связано с новыми изданиями и переизданиями его трудов.

Дважды был издан огромный том (530 с.) его переписки с Р. О. Якобсоном [4, 5]. Читая эти письма, мы попадаем в творческую лабораторию Н. Г. Трубецкого и можем проследить пути формирования понятийного аппарата фонологии, постепенное совершенствование фундаментального понятия системы, поиска системообразующих факторов и т. п. Это, в частности, блестяще обобщил М. Вьель [6]. Теперь мы можем представить себе творческую фигуру Трубецкого во весь ее гигантский рост, как-то по-новому прочитать и осмыслить его работы.

Вслед за письмами вышло два сборника его работ: московский [3] и венский [7]. Венский сборник приурочен к пятидесятилетию со дня смерти Н. Г. Трубецкого. Оба сборника сопровождаются весьма содержательными очерками о нем. Глубокий анализ разносторонней деятельности ученого сделали Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов, Н. И. Толстой в Послесловии к московскому сборнику [3, с. 492—519].

Как видно, понадобились усилия нескольких крупнейших специалистов, чтобы воссоздать целостную картину многогранного таланта Трубецкого, представшего перед нами в качестве компаративиста и этнолингвиста, историка духовной культуры, литературы и литературного языка, стиховеда и фольклориста, ученого-теоретика и исследователя, публициста, горячего патриота своей Отчизны, русиста, слависта, индоевропеиста, кавказоведа и финноугроведа. Московский сборник снабжен обширными комментариями ко всем публикуемым работам. Если издатели московского сборника стремились как можно полнее охватить разностороннюю деятельность Трубецкого, то издатели венского сборника ограничились публикацией его славистических работ.

Стремясь отразить деятельность Трубецкого-слависта, Ст. Хафнер, автор венского библиографического очерка, детально проследил зарождение у Николая Сергеевича интереса к праславянскому языку и его истории, развитие идей и представлений о языке и методах его реконструкции, рассказал о титаническом труде неутомимого исследователя истории и праистории славянских языков. Здесь мы узнаем о трагической судьбе первого, второго и третьего рукописных вариантов «Опыта пра-

истории славянских языков». Первый вариант был сдан на хранение в Ростовский университет, где в 1918—1920 гг. ученый занимал должность доцента. Материалы второго варианта вместе с архивом Трубецкого после обыска на его квартире и в Венском университете (март 1938 г.) оказались в гестапо [7, с. XIV, XXIII]. По мнению Ст. Хафнера, именно «История праславянского языка» и была «книгой жизни» (Lebenswerk) Н. С. Трубецкого [7, с. XXX]. Судя по письмам, она занимала его почти 25 лет. Но именно этому грандиозному труду, ответственность работы над которым сам Трубецкий сравнивал с «шапкой Мономаха» [7, с. XXI], катастрофически не везло: то пропадала рукопись, то выяснялось, что над книгой надо *еще* поработать, согласовав накопленные факты и представления с новой теоретической находкой, с углубленным представлением о фонологической системе..., то приходилось откладывать любимое дело для срочной работы по фонологии в связи с подготовкой к очередному международному съезду... И может быть, главным трудом его жизни и должна была стать именно история праславянского языка, в то время как опыты исторической фонетики славянских языков, полабские штудии, уточнение представлений о праязыке, фонологические исследования, содержащие поиски системообразующих факторов, и др.— все это представляется своеобразным «отходом производства». Во всяком случае, становится вполне очевидным, что именно историческая фонетика славянских языков служила ученому неиссякаемым источником и важнейшим полигоном апробации его фонологических идей.

О трудах Трубецкого по праславянскому языку мы знаем мало. Лишь узкие специалисты знакомы с некоторыми его статьями по сравнительной грамматике славянских языков и праславянскому языку. Ссылки на них встречаются редко. Существует только одна небольшая заметка о его работах по праславянской фонологии [8].

Последние издания избранных работ Трубецкого позволяют более глубоко оценить его вклад в науку о праславянском языке. В венском сборнике собраны статьи Трубецкого по праславянскому языку, сравнительной и исторической грамматике славянских языков. По ним можно судить о той гигантской работе над историей праславянского языка, которую проделал автор, по ним можно проследить, как усиливался аспект внутренней реконструкции и относительной хронологии явлений, как совершенствовались представления о праязыке и методах его реконструкции, как историческая фонетика закономерно превращалась в диахроническую фонологию со все более четким представлением о системе и системообразующих связях, внутренней движущей силой которых оказывается устройство фонологических оппозиций и корреляций (ср. статьи о гуттуральных [3, с. 168—179], о депалатализации [7, с. 291—295]). В опубликованных статьях 1933—1934 гг. можно разглядеть заделы и диахронической фонологии [7, с. 291—295], и диахронической морфологии [3, с. 210—328], и теории реконструкций [7, с. 267—275], базирующейся на исходном пункте лингвистического мировоззрения Трубецкого, согласно которому язык всегда представляет собой систему взаимосвязанных элементов, явлений и процессов.

Несколько статей по этой проблематике опубликовано в московском сборнике [3]. В Примечаниях и Послесловии значительное место [3, с. 503—510] отведено праславянскому языку. Столь тщательного и всестороннего анализа идей и результатов работы Н. С. Трубецкого в данной отрасли знания на фоне его разносторонней научной деятельности, пожалуй, еще не было в историографии нашей науки. Завершая этот анализ,

авторы Послесловия отмечают, «...что сам Трубецкой не построил того многоярусного великолепного здания, которое им было задумано, не написал в конечном итоге своего труда — „Опыт праистории славянских языков“; мы догадываемся о нем лишь по его фрагментам. Следует сожалеть, что цель, выдвинутая Н. С. Трубецким, не достигнута в полной мере и другими учеными, и потому проблема в целом и остается актуальной и по сей день» [3, с. 508]. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы достроить парадигму науки о праславянском языке, оставшуюся после Трубецкого недостроенной.

Судя по письмам, проблемами праславянского языка Н. С. Трубецкой глубоко интересовался в период подготовки к магистерским экзаменам (1913—1914 гг.). В Московском университете праславянский язык пользовался особым вниманием основоположника Московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатова и его учеников. В 1914 г. в Москве вышла в свет книга В. Поржезинского «Общеславянский язык в свете данных сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков». В 1915 г. А. А. Шахматов опубликовал «Очерк древнейшего периода истории русского языка» в серии Энциклопедии славянской филологии (ЭСФ) [9]. Еще раньше И. В. Ягич, инициатор этой серии, поставил задачу издать книгу о праславянском языке («Общеславянский язык») в качестве очередного выпуска ЭСФ.

Несколько крупнейших ученых пытались решить задачу И. В. Ягича: Г. А. Ильинский, Й. Миккола, А. Мейе и, как теперь стало известно, Н. С. Трубецкой.

В связи с войной и революцией издание ЭСФ прекратилось. Но в 1916 г. незначительным тиражом в Нежине вышел первый обобщающий труд по праславянскому языку «Праславянская грамматика» Г. А. Ильинского [10], а спустя десять лет и второе обобщение — «Общеславянский язык» А. Мейе [11]. Если труд А. Мейе — описание общеславянского языка со стороны индоевропеистики, то книга Г. А. Ильинского написана «изнутри» славистики, с пристальным вниманием к эволюции идей и понятий данной науки, к ее результатам и перспективам развития. В ней обобщался «Монблан фактов» и море научной литературы по каждому отдельному элементу, по каждому вопросу науки о праславянском языке. Издание «Праславянской грамматики» Й. Микколы [12] растянулось на многие годы. Впервые в компаративистике зарождалась новая научная дисциплина — наука о праязыке. Необходимо было обсудить и сформулировать ее задачи, предмет и метод, выработать представление о праязыке. Традиционная компаративистика накопила к тому времени несколько противоречивых гипотез: модель родословного древа и теорию волн, постулат непреложности фонетических законов и выводы лингвистической географии, в соответствии с которыми каждое слово имеет свою историю и географическое распространение. С помощью традиционного сравнительно-исторического метода восстанавливается праязык лишь как своего рода склад реконструированных архетипов, лежащих где-то вне времени и пространства. Но еще Ф. Ф. Фортунатов впервые в индоевропеистике сформулировал положение о том, что праязык, как и всякий язык, должен иметь свою историю и диалектное членение. Фортунатовский тезис — «наука стремится узнать причину и связь явлений» — горячо подхваченный его учениками, нацеливал на поиски более совершенных методов исследования. Н. Н. Дурново вел в Московском университете специальный семинар, целью которого была «систематическая ревизия взглядов на историю русского языка». Активным участником этого семинара был сту-

дент историко-филологического факультета Н. С. Трубецкой. Тогда он осознал, что «метод в фортунатовской школе всегда выдвигался на передний план» [7, с. 263].

В 1915 г. на одном из заседаний Московской диалектологической комиссии (МДК) молодой приват-доцент Н. С. Трубецкой выступил с докладом: «Метод восстановления общеславянского праязыка в „Очерке“ академика А. А. Шахматова». Доклад произвел «эффект разорвавшейся бомбы», вызвал оживленную дискуссию, убедил в необходимости и своевременности поиска более совершенных методов «исторического языкознания и лингвистической реконструкции» [7, с. XII].

Позже Н. С. Трубецкой писал в Автобиографии [7, с. XII], что его предшествующие занятия иранскими и кавказскими языками позволили ему по-новому посмотреть на результаты реконструкции праславянского языка. И в самом деле, за плечами молодого ученого были опыты сравнительно-исторических исследований бесписьменных языков Северного Кавказа, попытки сравнения «арктических языков с угро-финскими и самодскими» [3, с. 493]. Он впервые в компаративистике пришел к выводу, «что можно построить сравнительно-историческую грамматику целиком на основе установленной системы соответствий между живыми языками, исходя только из современных полевых описаний этих языков» [3, с. 496]. В своих сравнительно-исторических штудиях бесписьменных языков Н. С. Трубецкой широко применял данные типологии.

С 1915 г., по признанию Трубецкого, славянские языки «вышли на передний план» его научных интересов [7, с. XII]. Тогда же он решил написать книгу «Предыстория славянских языков», в которой намеревался изложить «возникновение общеславянского из праславянского и праславянского из праиндоевропейского языка» [7, с. XIII].

Вероятно, доклад на МДК был своего рода апробацией темы докторской диссертации, в качестве которой Трубецкой решил взять «Историю возникновения и распада общеславянского языка». В ней он мечтал составить «полную картину звуковой эволюции одного из диалектов индоевропейского праязыка вплоть до распада этого диалекта на более дробные подразделения». «Во второй части,— писал он Р. О. Якобсону 10.5.1920,— при свете полученных данных об эволюции звуков я полагаю пересмотреть изменения морфологии и словаря, классифицировать эти изменения также хронологически, чтобы картина таким образом получилась полная» [4, с. 447].

Революция застала Н. С. Трубецкого на Северном Кавказе, куда он ежегодно ездил на лечение. Там он работал над сравнительной грамматикой кавказских языков, составлял грамматику и словарь черкесского языка. При помощи классических приемов сравнительно-исторического метода он работал над реконструкцией корнеслова и набора фонем северокавказского праязыка [3, с. 495]. Трубецкой по праву считается основоположником этой отрасли сравнительно-исторического языкознания. Основательные штудии в области реконструкции праязыка бесписьменных языков не мешали, а скорее, наоборот, помогали работать над докторской диссертацией по истории праславянского языка. Первая ее часть (фонетическая) была готова в 1918/1919 учебном году, но ее вместе с материалами по кавказским языкам пришлось сдать на хранение в библиотеку Ростовского университета. На некоторое время Н. С. Трубецкого приютил Софийский университет (1920—1922 гг.). Лишь благодаря настойчивым хлопотам И. В. Ягича и П. Кречмера он получил должность ординарного профессора славянской филологии в Венском университете (20.12.1922).

Еще в Софии он пытался восстановить по памяти и составить новый вариант истории праславянского языка, написал и отправил в славистические журналы несколько статей — фрагментов из этой монографии (об относительной хронологии фонетических процессов, о праславянской интонации, словообразовании и формообразовании). Собственно, по этим публикациям (1921—1925 гг.) мы и можем судить о характере новаторских идей Трубецкого в области славянской компаративистики, а в какой-то мере и о содержании доклада 1915 г.

В первой славистической статье (1921 г.) он противопоставляет гипотезе Шахматова, изложенной в «Очерке», свою гипотезу о природе праславянской интонации [7, с. 1—17]. Но не здесь коренилось принципиальное расхождение с Шахматовым. Оно вскрывается в следующей статье (1922 г.), посвященной относительной хронологии некоторых фонетических явлений праславянского языка [7, с. 37—54]. Здесь дана первая «заявка» на полидиалектную концепцию праязыка и впервые предложена периодизация истории праславянского языка. Несколько упрощенной модели родословного древа, которой следовал Шахматов, Трубецкой противопоставлял более реалистическую модель развития языка как изоглоссной области. Если Шахматов исходил из сложившихся в результате ветвления дерева диалектов, которые затем смешиваются, то Трубецкой устанавливал изоглоссы диалектных явлений и их относительную хронологию. Особенно четко такое различие концепций проявилось в статье «О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства» (1925) [3, с. 143—167].

Здесь вскрыты особенности научного метода Шахматова «Хотя он (так же, как и его учитель Ф. Ф. Фортунатов) теоретически отвергал „родословное древо“ Шлейхера, в своей практической деятельности он так и не смог освободиться от влияния этой теории: сам того не замечая, он всегда представлял себе развитие языка в форме разветвления родословного древа» [3, с. 145]. «Теория А. А. Шахматова,— констатирует Трубецкой,— была рабочей гипотезой, нужной автору лишь для определения хронологии... звуковых изменений... Те из этих изменений, которые представлены во всех восточнославянских диалектах, относятся к „парусскому периоду“...; изменения, объединяющие белорусский и украинский, принимаются за древние признаки „древнеужнорусского“ и т. п.» [3, с. 145]. Такой хронологизации звуковых изменений Трубецкой противопоставляет метод относительной хронологии, позволяющий определить, что данный фонетический закон В имел место после такого-то фонетического закона А и до действия закона С.

Развивая идеи Трубецкого и Шахматова, можно теоретически осмыслить различие их методов хронологизации как различие сравнительной (внешней) и внутренней реконструкции. Первая опирается на генетическую гипотезу, на постулат языкового родства и модель родословного древа. Она нацелена на анализ межъязыковых соответствий. Хронологическая иерархизация языковых явлений и процессов строится по принципу приуроченности к определенным «коленам», точкам ветвления родословного древа (парусское, праславянское, праиндоевропейское состояние и т. п.).

Относительная хронология, базирующаяся на данных внутренней реконструкции, нацелена на анализ внутриязыковых соответствий, на вскрытие отношений между элементами данного языка в его статике и динамике. Здесь хронологизация языковых процессов строится на принципе их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности. Внутренняя от-

носительная хронология опирается на гипотезу регулярности, на фундаментальное положение компаративистики о непреложности фонетических законов. Последующий фонетический закон, как правило, отменяет действие предшествующего, содействует процессу фонологизации аллофонов, появившихся в результате действия предшествующего закона [13]. Например, фонетический закон первой палатализации обусловил аллофонное варьирование *к/с* перед гласными переднего ряда (*kriketi* ^> *krlceti*). Последующий закон *ĕ* ^> *a* отменил предшествующий: теперь с возможно не только перед *ĕ*, но и перед *a* {кричать : крика}. Эта позиция стала позицией дифференциации прежних аллофонов, потенциальная оппозиция (*к* : *с*) фонологизировалась, прежний аллофон получил статус самостоятельной фонемы.

Однако до сих пор при хронологизации явлений и процессов чаще применяется метод Шахматова, чем Трубецкого. Преодолеть давление модели родословного древа не удалось не только Шахматову, но и Г. Шевелеву [14]. Усилия исследователей за последнее время все более сосредоточиваются на точной датировке (+25 лет) праязыковых процессов (Ч. Бидуэлл, А. Лампрехт, З. Штибер и др.). Увлечение абсолютной хронологией отодвинуло на задний план проблемы хронологии относительной. Одним из результатов осмысления поисков «внутренней логики и хронологической взаимосвязи явлений» является теоретическая разработка и совершенствование приемов внутренней реконструкции (Ю. Курилович и др.). При этом подчеркивается внутренняя взаимосвязь обоих направлений реконструкции и необходимость сопряжения их результатов [15].

Всего 15 лет Трубецкой проработал в Вене. Здесь он восстанавливал, точнее, писал заново текст «Праистории». Здесь он 12 раз читал, постоянно дорабатывая, курс сравнительной грамматики славянских языков и 8 раз курс старославянского языка. В каждом семестре он объяснял еще два-три курса истории русского и других славянских языков. В 1935 г. предложил своим слушателям специальный курс по истории праславянского языка. Все это свидетельствует о том, что работа над совершенствованием монографии о праславянском языке продолжалась до последних лет его жизни. В актив работы по реконструкции праславянского языка следует отнести и опыт реконструкции мертвого полабского языка [16].

С 1920 г. началась его регулярная переписка с Р. О. Якобсоном. В письмах детально обсуждались проблемы праславянского языка, истории русского и других славянских языков. Большую научную ценность имеет письмо, датированное февралем 1921 г. [4, с. 6—8]. Здесь подробно изложены план диссертации, включая содержание первой (фонетической) части, общее представление о праязыке и периодизации его истории [7, с. XV—XVII; 3, с. 505]. Как видно, Трубецкой поставил задачу преодоления «плоскостного характера» реконструируемого праязыка традиционной компаративистики. С его точки зрения, «общеславянский праязык» охватывает собою «целую эпоху», точнее — «цепочку эпох», начиная с праславянских диалектов эпохи распада праиндоевропейского праязыка, кончая последним фонетическим процессом, характерным для всех славянских языков и диалектов, процессом падения редуцированных [7, с. XVI]. Предложены первый опыт «динамической реконструкции» праязыка и первая периодизация истории реконструируемого праязыка. До этого да, пожалуй, и после, понятия «праязык» и «история» были несовместимы.

Первый период охватывает, по Трубецкому, эпоху распада праиндоевропейского языка и обособление группы праславянских диалектов, в которых складываются специфические праславянские явления, в их от-

личии от других индоевропейских диалектов. Второй период охватывает эпоху «полного единства общеславянского праязыка». Третий период — «эпоха начала диалектного дробления». Четвертый период — эпоха стабилизации диалектных групп, прекращение действия общеславянских процессов.

Любопытно, что сходный подход к проблемам периодизации истории праславянского языка осуществил П. Бузук в своем небольшом очерке «Опыт истории доисторической эпохи славянской фонетики» [17], наметивший три периода истории праславянского языка: 1) эпоха преобладания общеиндоевропейских изоглосс; 2) эпоха балто-славянских изоглосс; 3) эпоха собственно славянских изоглосс. Это — первые опыты истории праязыка. Праязык Трубецкого и Бузука впервые в науке, как и всякий язык, «получал» свою историю и к тому же ... диалектологию. Так ученики учеников Ф. Ф. Фортунатова выполнили его завет, правда, пока «в первом приближении», преодолевая антиномию классической компаративистики: любой язык имеет историю и диалектное членение, но реконструируемый язык восстанавливается как единый, диалектно нерасчлененный.

Последующие дискуссии по проблемам периодизации истории праславянского языка (А. Белич, Т. Лер-Сплавинский, Н. Дурново, Н. Ван-Вейк, А. Фурдаль, Х. Бирнбаум и др.) детализировали схемы Н. С. Трубецкого и позволили сформулировать представление о праславянском языке как изоглоссной области (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, В. К. Журавлев) родственных диалектов, где в результате общей динамики изоглосс и изохрон могли стираться прежние диалектные различия либо формироваться новые, если движущаяся с юго-запада либо с запада изоглосса уже не могла преодолеть всю территорию прежней изоглоссной области. В этом плане особый интерес представляет статья Трубецкого «О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства», опубликованная впервые на немецком языке в 1925 г. (см. [3, с. 143-167]).

Упрощенной концепции распада праязыка по модели «родословного древа» А. Шлейхера он противопоставил здесь сложную картину дивергентно-конвергентных процессов диалектного континуума, когда «конец дочерней языковой общности не всегда должен быть хронологически более поздним, чем конец материнской языковой общности» [3, с. 507]. Конечной или иной языковой общности, по Трубецкому, означает утрату возможности участвовать в общих языковых (прежде всего звуковых) изменениях. Последним общеславянским процессом Н. С. Трубецкой предложил считать процесс падения редуцированных. Он же является и последним общерусским (восточнославянским) процессом. Изоглосса падения редуцированных, рассекавшая Слaviю на диалекты, допускавшие лишь открытые слоги, п диалекты, имевшие как открытые, так и закрытые слоги, двигалась с юго-запада на северо-восток целых четыре столетия, с X по XIII в. [3, с. 507].

Письма [4] сохранили и подробный план диссертации (см. [3, с. 505—506, примеч. 20]). «Праисторию» Трубецкий собирался писать по «отделам», отдельно «Вокализм» и «Консонантизм», и главам, соответствующим четырем периодам. П е р и о д: до перехода $a \rightarrow o$. Сюда он относил: изменение $e \rightarrow o$ перед и; совпадение а о в одном звуке; изменение $e \rightarrow i$ перед г, а также переход $s \rightarrow x$, эволюцию среднеязычных и первую палатализацию и др. П е р и о д: от перехода $a \rightarrow o$ до перехода $jo \rightarrow je$. Сюда относятся $a \rightarrow o$; прогрессивное смягчение задненебных и др. III п е р и о д: от перехода $jo \rightarrow je$ до смягчения согласных перед гласны-

ми переднего ряда (монофтонгизация дифтонгических сочетаний, йотация зубных и губных и др.). IV п е р и о д: от смягчения согласных до падения глухих. Диалектные различия начали обнаруживаться в III периоде, но только в IV периоде возник ряд особенностей, объединяющих все западнославянские диалекты в одну группу. Такой он представлял себе «Праисторию» в 1921—1925 гг. (см. письма Якобсону 1.2.1921 г. и Дурново 1.4.1925 г.). Тогда, в 1921—1925 гг., он оформлял наиболее интересные, с его точки зрения, фрагменты монографии в виде отдельных статей и публиковал в различных славистических журналах (см. [4, с. 24]): об акцентологии [7, с. 171—187], относительной хронологии праславянских фонетических процессов [7, с. 217—234], звуковых изменениях и распаде общерусского единства [3, с. 143—167], о носовых согласных в лехитских языках [3, с. 24—37] и др.

Из письма от 22.12.1926 г. мы узнаем, что Трубецкой решил основательно переработать «Предысторию» [4, с. 100]. Новые перспективы, открывшиеся в связи с зарождением общей и исторической фонологии, заставили пересмотреть и план построения «Праистории». Теперь самому автору план «Праистории» уже «казался устаревшим», но тем не менее летом 1928 г. была переработана в статью еще одна глава «Праистории» [4, с. 115] — «Возникновение общезападнославянских особенностей в области консонантизма» [3, с. 180—195]. Таким образом, опубликованные статьи по праславянскому языку отражают еще дофонологическую концепцию исторической фонетики Н. С. Трубецкого.

Распределение материала по отдельным разделам — «Вокализм», «Консонантизм» — вполне традиционно. Такое распределение находим у А. Мейе и Г. А. Ильинского, Й. Микколы и П. Арумаа, а также почти во всех исторических и сравнительно-исторических грамматиках. При этом с неизбежностью выпадает из поля зрения исследователя естественная взаимосвязь между консонантизмом и вокализмом.

Однако именно отечественная наука о праславянском языке рано пришла к выводу (Фортунатов, Шахматов, Бодуэн де Куртенэ и др.) о том, что ключом ко всей внутренней истории праславянской фонетики является процесс взаимодействия между гласным и соседним согласным. Были сформулированы основные закономерности: 1) о раннем и последовательном смягчении всех согласных перед гласными переднего ряда (Фортунатов, Ягич); 2) о последовательном процессе лабиовеляризации предшествующих согласных перед прежними лабиализованными гласными (Шахматов) и, наконец, более общая закономерность: соседние тавтосиллабические звуки становились палатализованными или лабиовеляризованными [9]. Эти закономерности для раннего Трубецкого оставались в тени. А между тем достаточно было «переписать» эти положения в терминах фонологии, чтобы прийти к выводу о «мягкостной корреляции слогов» и слоговом сингармонизме в праславянском языке. Это и сделал Р. О. Якобсон в 1929 г., предпринявший первый опыт исторической фонологии [18].

Еще одно бесспорно важное положение науки о праславянском языке Н. С. Трубецкой оставил в тени. К тому времени постепенно складывалось представление о «законе открытых слогов» как «о движущем нерве» значительной части праславянских фонетических явлений. Уже Г. А. Ильинский в «Праславянской грамматике» 1916 г. уделил много внимания закону открытого слога [10, с. 82, 96, 106, 108, 114, 117, 157 и т. д.]. Й. Миккола в 1921 г. посвятил этому закону особую статью. Это фундаментальное положение, позволившее найти взаимосвязь многих фонетических явлений праславянского языка, приписывается Н. Ван-Вейку. Ему удалось

к 1931 г. подвести почти все основные праславянские процессы под две основные тенденции (палатализации и восходящей звучности слога). Обе они «выросли» из вышеупомянутого положения А. А. Шахматова. Дальнейшее уточнение иерархии этих тенденций (П. С. Кузнецов) и установление взаимосвязи между ними (Ф. Мареш), уточнение понятий слогового сингармонизма (Е. Петрович) позволили выяснить генезис этого явления (В. К. Журавлев) и представить развитие фонологической системы праславянского языка как цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений от сатемовой палатализации в протославянских диалектах индоевропейского языка до падения редуцированных уже в истории отдельных славянских языков [19]. Такой подход, позволяющий выявить строгую хронологическую иерархию фонетических законов, сам по себе не может учитывать реальную возможность диалектных различий в праязыковом состоянии. Усилиями И. А. Бодуэна де Куртенэ, Х. Педерсена, В. А. Богородицкого, С. М. Кульбакина, Г. А. Ильинского и других была установлена хронологическая иерархия большинства фонетических законов праславянского языка.

Бесспорная заслуга Н. С. Трубецкого состоит в том, что метод относительной хронологии он сопрягал с полидиалектной концепцией праязыка [3, с. 180]. Ученый поставил перед собой задачу «критически пересмотреть формулы всех „звуковых законов“ общеславянского праязыка, установить взаимную (относительную) хронологию изменения звуков...» [4, с. 447]. В отличие от своих предшественников, устанавливающих строгую последовательность процессов (А раньше В, С после В, С раньше Д), Н. С. Трубецкой допускал возможность иной последовательности в различных диалектах праславянского языка. Так, определенные процессы праславянского консонантизма у западных славян, по Трубецкому, шли в такой последовательности: А, В (одновременно), затем $C \rightarrow D$ —* Е. У восточных и южных славян последовательность процессов была иной: $A \rightarrow C$ — ^ В — ^ Е, у восточных славян процесс Д шел позже Е ($E \rightarrow D$), а у южных процесса Д не было [3, с. 183].

Сопряжение относительной хронологии и лингвистической географии наталкивается на серьезную теоретическую трудность. Если метод относительной хронологии опирается на постулат непреложности фонетических законов, то лингвистическая география сознательно сопротивляется этому учению, утверждая, что всякое отдельно взятое слово распространяется в своих собственных границах. Н. С. Трубецкой искал пути преодоления этой трудности, предложив дифференцировать три вида звуковых различий: фонологические, фонетические и этимологические [3, с. 32–33]. Недоверие к постулату непреложности фонетических законов может быть снято, если вслед за Трубецким различать фонетический и фонологический характер звуковых изменений [3, с. 32], т. е. собственно фонетический закон и последующие процессы фонологизации, морфологизации и социализации звуковых изменений. Таким образом, решение фундаментальных задач компаративистики нуждалось в фонологическом подходе к истории звуков [20].

Глубокая убежденность в наличии строгих закономерностей, внутренней логики языковой эволюции — характерная черта общенаучной концепции Трубецкого и мощный стимул разносторонних поисков этих закономерностей. С этим связана и реабилитация постулата о непреложности фонетических законов и концепция телеологичности (целенаправленности) языковых изменений и поиски цели изменений в системном устройстве языка. Споря с Соссюром, отвергавшим наличие лингвистических

законов, Трубецкой утверждал: «В истории языка многое кажется случайным, но успокаиваться на этом историк не имеет права: общие линии истории языка при сколь-нибудь внимательном и логическом размышлении всегда оказываются не случайными... Осмысленность эволюции языка прямо вытекает из того, что „язык есть система“... Соссюр не решился сделать логического вывода из своего же тезиса...» [4, с. 96—97]. К Соссюру восходит антинomio синхронии и диахронии: с его точки зрения, всеобщая взаимосвязь существует лишь в синхронии, исторические изменения носят случайный характер и «не имеют никакого отношения к системе языка» [21, с. 54]. Иное представление складывалось в школе Ф. Ф. Фортунатова. «История отдельного звука тесно и неразрывно связана с историей всей звуковой системы,— писал А. А. Шахматов еще в 1899 г.— Гомогенные факты обязаны своим происхождением той же самой общей причине в определенном периоде и не могут быть представлены отдельно, но лишь в связи с другими соответствующими явлениями» [22].

Много лет спустя, в апреле 1928 г., на I Международном съезде лингвистов Трубецкой и Якобсон сняли антинomio синхронной фонологии и диахронической фонетики: «Если мы хотим создать историю языка,— декларировали основоположники фонологии,— мы не должны ограничиваться изучением изолированных изменений. Необходимо рассматривать эти изменения как обусловленные системой, в которой они происходят» [23]. Трансформировался и предмет нашей науки: место истории изменений отдельных звуков занимает эволюция «...фонологической системы. Трубецкой был убежден, что фонологическая эволюция приобретает смысл, если используется для целесообразной перестройки системы... Многие фонетические изменения вызваны ... потребностью к созданию устойчивости ... к соответствию „структурным законам звуковой системы“» [24]. Четко выраженному телеологизму Трубецкого противопоставлялась в его время и противопоставляется до сих пор практика антропофонического объяснения звуковых изменений. Однако еще А. А. Шахматов в 1908 г. предупреждал: «Ошибочно было бы думать, что звуковые изменения вызываются физиологическими причинами» [25]. Величайшая заслуга Трубецкого заключается в том, что он впервые выдвинул и обосновал фундаментальное положение исторической фонологии: причины изменения данного звука следует искать в фонологической системе данного языка на данном этапе его развития.

Таким образом, насущные задачи дальнейшего совершенствования методов и приемов исторического языкознания настоятельно требовали уточнения понятий системы, системообразующих факторов.

Решению этой научной задачи высшего ранга и посвятил Н. С. Трубецкой последнее десятилетие своей жизни. В сотрудничестве с Р. О. Якобсоном к 1927 г. были сформулированы основные понятия фонологии (фонологическая система, оппозиция, корреляция и др.). В 1930 г. Трубецкой открыл понятие признака и явление маркированности фонологических оппозиций. Огромное общенаучное значение этого открытия М. Вель [6, с. 26, 709] сравнивает с открытиями Архимеда и Ньютона. Позже Трубецкой разработал теорию нейтрализации оппозиций.

Н. С. Трубецкой «сделал множество блестящих открытий,— вспоминал Р. О. Якобсон,— но особого упоминания заслуживает его первая в мире попытка построить фонологическую классификацию гласных и, следовательно, получить типологию систем гласных для языков всего мира. Это поистине выдающиеся, глобальные открытия: недаром их сравнивали со знаменитой системой химических элементов Д. И. Менделеева» [21,

с. 56]. Речь идет о его первой публикации по фонологии «Общая теория фонологических систем вокализма» [24], опубликованной в 1929 г. в первом томе Трудов Пражского кружка. Возможность свести несколько десятков вокалических систем к минимальному числу типов позволила разглядеть некоторые закономерности их системного устройства (Systembildung), что, как надеялся Трубецкой, «будет иметь большое значение для истории языка и реконструкции» (см. письмо от 19.9. 1928 [4, с. 117]). Весьма показательно, что эти поиски наиболее общих закономерностей звуковых изменений, обусловленных фонологической системой, шли одновременно с опытом реконструкции фонологической системы мертвого полабского языка, с одной стороны, и синхронным описанием древнейшей системы старославянского (древнецерковнославянского) языка, с другой.

Новые достижения общетеоретического характера, обусловленные необходимостью совершенствования истории праславянского языка, принуждали пересматривать ранее написанные главы и фрагменты. Титаническая работа в области фонологии не заслоняла, но отодвигала на задний план «книгу жизни». Упорная переработка рукописи о праславянском языке продолжалась. Уже II Международному съезду славистов (Варшава, 1934) был предложен доклад «Депалатализация праславянских *e и *ě перед твердыми согласными в польском языке с точки зрения фонологии» [7, с. 292—295]. Не прекращалась работа и в области диахронической морфологии. Большой теоретический интерес представляют программные статьи 1937 г.— «Мысли о словацком склонении» и «О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковнославянского языка» [3, с. 210—228].

Продолжались и размышления о сущности праязыка. В 1937 г. опубликованы тезисы, а в 1939 г. вышел полный текст статьи «Мысли об индоевропейской проблеме» [3, с. 44—59]. В 1937 г. была написана небольшая статья «О предистории восточнокавказских языков». Полидиалектная концепция праязыка пространственно-временного континуума родственных диалектов, проблема сопряжения относительной хронологии и лингвистической географии возбуждали особый интерес Н. С. Трубецкого к лингвистическим атласам. Он был одним из инициаторов создания Славянского лингвистического атласа на I Международном съезде славистов. По инициативе Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого состоялась Первая международная конференция фонологов (Reunion phonologique internationale) (Прага, 1930). С докладом «Фонология и лингвистическая география» выступил Н. С. Трубецкой [3, с. 31—36]. Содоклад «О фонологических языковых союзах» сделал Р. О. Якобсон. Расширенный вариант доклада последнего вскоре вышел отдельной книгой [26]. Тесная связь проблематики лингвистической географии с задачами совершенствования методов реконструкции праязыка особенно четко проявилась в этой работе Р. О. Якобсона. Не без влияния Н. С. Трубецкого он написал и издал более или менее полный очерк исторической фонологии древнейшего периода истории русского языка [18].

В этой работе Якобсон реконструировал для древнейшего состояния фонологической системы мягкостную корреляцию слогов. Однако ни в современных славянских, ни в других родственных языках, ни в праиндоевропейском языке такое явление не отмечалось. Для доказательства и следует обратиться к типологии, к фактам языков неродственных. Р. О. Якобсон показал, что сближение тембра смежных звуков, лежащее в основе слогового сингармонизма и мягкостной корреляции слогов,— одно из характернейших явлений так называемого Евразийского языкового союза. И не случайно, восторженно оценивая первую фоноло-

гическую работу Н. С. Трубецкого, Якобсон подчеркивал ее значение прежде всего для лингвистической типологии.

Наука о праславянском языке обогатилась материалом и методом типологии именно тогда, когда в европейской компаративистике типологические исследования противопоставлялись сравнительно-историческим (А. Мейе и др.). Последующие опыты динамической реконструкции фонологической системы праславянского языка потребовали уточнения понятий слогового сингармонизма и расширения опоры на типологические данные [27].

Следует подчеркнуть глубокое понимание Трубецким самой сущности типологических сопоставлений; для него недостаточно сопоставить отдельное явление со схожим явлением неродственного языка, он сопоставлял системы, фрагменты систем, отношения между членами систем.

Не прерывая работу в области истории праславянского языка и исторической фонетики славянских языков, Трубецкой сосредоточился в последние годы жизни на фонологических исследованиях. Он не только писал статьи и выступал с докладами на различных международных съездах, пропагандируя новую научную дисциплину, но вместе с Р. О. Якобсоном организовывал «рабочие группы» энтузиастов фонологии, составлял различные инструкции по сбору фонологического материала, «стандартному» описанию фонологических систем, разрабатывал принципы фонологических транскрипций и методы фонологических исследований, составлял проект фонологического вопросника для стран Европы и т. д.

В 1937 г. были сданы в печать «Основы фонологии». По словам Якобсона, книга включала в себя лишь одну из двух запланированных частей, но даже этот первый том не был закончен автором [21, с. 56]. В нем изложен понятийный аппарат фонологии, дано четкое представление о системном устройстве фонологического яруса языка, тщательно разработана типология оппозиций, корреляций, нейтрализации, систем вокализма и консонантизма. Очевидно, на этом фундаменте и предполагалось построить фонологию историческую, которая могла бы предложить методы выявления «логики звуковых изменений», предопределяемых самой фонологической системой. Все это, вероятно, предполагалось дополнить фонологической географией и морфологией. Естественно, задача реконструкции истории фонологической системы праславянского могла решаться лишь параллельно с формированием представления о фонологической системе и законах ее эволюции. При этом конкретный праславянский материал мог бы содействовать выявлению общих закономерностей и принципов исторической (диахронической) фонологии, а те в свою очередь помогали бы более углубленно осознать эволюцию праславянской фонологической системы. Реализовать эти грандиозные планы Н. С. Трубецкой не успел. Р. О. Якобсон неизменно стимулировал Трубецкого к занятиям фонологией и несколько раз договаривался с издательствами о публикации его «Истории праславянского языка», однако Трубецкой считал работу еще не законченной. Тогда Якобсон написал и издал свой собственный очерк истории праславянской фонологической системы [18], а позже изложил и основные принципы исторической фонологии. Однако эти пионерские труды Р. О. Якобсона все же были далеки от идеальных представлений Н. С. Трубецкого. Героем исторической фонологии Якобсона была оппозиция с ее мутациями, но уже в поздних публикациях по праславянскому языку Трубецкой оперирует сериями и корреляциями. Корреляция и «серия» станут основными «героями» диахронической фонологии А. Мартине. Только здесь встанет проблема «давления системы», но пока это лишь «давление» кор-

реляции или серии. «Краеугольным камнем» общей фонологии Трубецкого является нейтрализация. Определить ее место и роль в фонологии диахронической, представить, наконец, систему стержнем фонологической эволюции — все это выпало на плечи нынешнего поколения фонологов (ср. [20]).

Вслед за диахронической фонологией должна создаваться диахроническая морфология. Некоторые заделы этой новой научной дисциплины уже имеются (В. И. Георгиев, Ф. В. Мареш, В. К. Журавлев и др.).

Подводя итог всему сказанному, можно утверждать, что главной «книгой жизни» Н. С. Трубецкого была книга об истории праславянского языка. Он работал над нею почти четверть века, большую половину своей жизни. Написать ее он не успел. Не успел написать и диахроническую фонологию, фундамент которой он построил своими «Основами фонологии». Не успел написать структурную морфологию, над которой, судя по письмам, «постоянно думал» и с увлечением работал в начале тридцатых годов. Многое из задуманного он не успел, многое из написанного пропало. Некоторые конкретные реконструкции фрагментов системы праславянского языка устарели. Предстоит «стыковка» реконструируемой истории праславянского языка с новейшими достижениями компаративистики [28]. Но осталось ощущение страсти и радости познания, неустанный поиск истины и все более и более совершенных методов и приемов реконструкции эволюционирующей системы языка. Создавая «многоярусное и веделепное здание» истории праславянского языка, он как бы «неожиданно» для самого себя формировал лингвистическое мировоззрение XX в. И в этом он, бесспорно, преуспел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie* // TCLP. 1939. VII.
2. *Trubetzkoy N. S. Über eine neue Kritik des Phonembegriffes* // Archiv für vergleichende Phonetik. Bd I. 3. B., 1937. S. 151.
3. *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по фонологии. М., 1987.
4. *Jakobson R. N. S. Trubetzkoy's letters and notes.* The Hague; Paris, 1975.
5. *N. S. Trubetzkoy's letters and notes / Prepared for publication by Jakobson R., with the assistance of Baran H., Ronen O. and Taylor M.* Berlin; New York; Amsterdam, 1985.
6. *Viel M.* La notion de «marque» chez Trubetzkoy et Jakobson. Un episode de l'histoire de la pensee structurale. P., 1984.
7. *Trubetzkoy N. S. Opera slavica minora linguistica.* Wien, 1988. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse. Sitzungsberichte. 509. Bd).
8. *Horalek K. N. S. Trubetzkoy und die Phonologie des Urslavischen* // Wiener slavistischer Jahrbuch. 1959. № 7.
9. *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915 (Энциклопедия славянской филологии. I. Вып. 11).
10. *Ильинский Г. А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
11. *Meillet A.* Le slave commun. P., 1924.
12. *Mikkola J.* Urslavische Grammatik. Heidelberg, 1913—1950.
13. *Журавлев В. К.* Относительная хронология праславянских процессов по данным внешней и внутренней реконструкции // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. М., 1983.
14. *Shevelov G. A.* prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964.
15. *Журавлев В. К.* Внутренняя реконструкция // Теория лингвистической реконструкции. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1988.
16. *Trubetzkoy N. S.* Polabische Studien. Wien; Leipzig, 1929.
17. *Бузу к Л. А.* Спроба гісторыі дагэстарычнай апэкі славянскай фанетыш // Зап. аддзела гуман. навук Беларус. АН. Кн. 2: Працы кляса фшыялогі. Т. I. Мнск, 1928.
18. *Jakobson R. O.* Remarques sur revolution phonologique du russe comparee a celle des autres langues slaves // TCLP. 1929. II.

19. Журавлев В. К. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1963.
20. Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М., 1986. С. 29—33; 55—58; 198—203.
21. Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985.
22. Шахматов А. А. [Отчет о присуждении премии Котляревского в 1898 г.] // Сб. ОРЯЗ. Т. 46. СПб., 1900. Рец. на кн: *Gebauer J. Historická mluvnice jazyka ceskeho*.
23. Theses presentees au I Congres International des linguistes // Actes I C I. L. Leiden, 1928. P. 85—86.
24. Troubetzkoy N. S. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme // TCLP. 1929. I. S. 65.
25. Шахматов А. А. Курс истории русского языка. СПб., 1908. С. 11.
26. Якобсон Р. О. К характеристике Евразейского языкового союза. Париж, 1931.
27. Журавлев В. К. Некоторые теоретические и типологические предпосылки гипотезы о праславянских группонемах // Сборник за филологшу и лингвистику. Ка. 7. Нови Сад, 1965.
28. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.